

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное агентство по образованию
Южно-Уральский государственный университет

Ч48.я43
НЗ45

НАУКА ЮУрГУ

Материалы 61-й научной конференции

**СЕКЦИИ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ
И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК**

Том 1

Челябинск
Издательский центр ЮУрГУ
2009

ББКЧ481.46.я43 + 4215.1 л43

Н345

Оргкомитет 61-й научной конференции:

Ваулин С.Д. (председатель), Рождественский Ю.В., Спасибожко В.В., Шабиев С.Г., Спиридонов Е.К., Старшинов Е.Н., Шестеркина ЛИ, Парфентьева Н.В., Каточков В.М., Хомутова Т.Н., Горшенин В.П., Дрозин А.Д., Гузеев В.И., Ровный Б.И., Казаринов Л.С., Батурин Н.А., Лившиц В.А., Кундикова Н.Д., Корягин Ю.Д., Быков Е.В., Михайлов Г.Г., Шиндина Т.А., Баев И.А., Хохлов Ю.И., Майоров В.И., Бородкина В.П., Волошина И.А., Чуманов В.И., Войнов И.В., Балахонов И.М., Рокутов С.В., Десятова Е.Ю., Борщенко В.Н., Храпцов В.А., Кравцов А.И., Наумов А.В., Шкерина Г.А., Давыдова О.И., Ключников Ю.В., Романова А.В.

Ответственный за выпуск С.Д. Ваулин

Наука ЮУрГУ: материалы 61-й научной конференции. Секции
Н34 естественно-научных и гуманитарных наук. - Челябинск: Изда-
тельский центр ЮУрГУ, 2009. - Т. 1. - 313 с.

ISBN 978-5-696-03945-9

Представлены материалы 61-й научной конференций профессорско-преподавательского состава, аспирантов и сотрудников, которая состоялась в апреле 2009 года.

Отпечатано с авторских оригиналов.

ББКЧ481.46.я43 +Ч215.1.я43

ISBN 978-5-696-03945-9

© Издательский центр ЮУрГУ, 2009

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В УРАЛО-КАЗАХСТАНСКИХ СТЕПЯХ В VI-V вв. до н. э.

А.Д. Таиров

Рассматривая историю кочевников Урало-Казахстанских степей во второй половине VI - первой половине V вв. до н. э., прежде всего следует отметить, что в начале этого периода в степи и лесостепи Евразии происходят значительные изменения, связанные с распадом прежних этнокультурных образований раннесакского времени и формированием новых. В Урало-Казахстанских степях наиболее ярко этот период представлен в Южном Зауралье. Здесь на смену бобровско-гасмолинской культуре VII-VI вв. до н. э. приходит прохоровская, маркируемая памятниками ее первого обрубчатого этапа второй половины VI - третьей четверти V вв. до н. э.

Формирование прохоровской культуры в Южном Зауралье явилось результатом сложного взаимодействия, по крайней мере, четырех основных компонентов. Один из них местный, представленный носителями бобровско-гасмолинской культуры, остальные - пришлые. Последними, судя по имеющимся в настоящее время материалам, были саки Юго-Восточного Приаралья, «скифы» восточноевропейской степи и лесостепи, а также кочевники Северного и Северо-Западного Китая. Приход их на территорию Южного Урала, обусловленный различными обстоятельствами, скорее всего, не был синхронным.

Появление на Южном Урале отдельных групп «скифов» фиксируется уже на рубеже VII-VI вв. до н. э. и в первой половине VI в. до н. э. Но наи-

более массовым и целенаправленным проникновением скифского этнического компонента, прежде всего приднепровского лесостепного, было во второй половине VI в. до н. э. Обусловлено оно не только стремлением контролировать пути поступления уральского металла в Причерноморье («путь Геродота»), но и желанием поставить под свой контроль само его производство. С конца VI в. до н. э. устанавливаются прочные двухсторонние связи кочевников Южного Зауралья, носителей прохоровской культуры, с населением лесостепного Поднепровья и Среднего Подонья, отчетливо фиксируемые археологическими материалами.

Вероятно сразу же за «скифами» на Южный Урал приходят саки Юго-Восточного Приаралья. Основной причиной, вызвавшей включение сакских племен Приаралья в состав кочевого населения Южного Урала, а также проникновение их в лесостепь Зауралья и Западной Сибири были, как представляется, исторические события в Средней Азии, связанные с политикой Ахеменидов в этом регионе во второй половине VI в. до н. э.

Однако события в Средней Азии почти не сказались на племенах тасмолинской общности Северного и Центрального Казахстана, по-прежнему сохранявших свои традиции погребальной обрядности. Отсутствие же значительных инноваций со всей очевидностью свидетельствует о том, что во второй половине VI - начале V вв. до н. э. массовых миграций в эти районы не произошло. Данное обстоятельство можно объяснить тем, что племенные объединения «тасмолинцев» Центрального Казахстана и «улубаевцев» Северного Казахстана были еще достаточно сильны, чтобы не допустить массового притока на свою территорию кочевников извне, в частности из Средней Азии.

В результате перегруппировки сил во второй четверти - середине VI в. до н. э. в Центральной Азии (Монголия, Северо-Восточный, Северный и Северо-Западный Китай) произошла, очевидно, и общая подвижка населения этого региона с востока на запад. В ходе нее основная масса кочевого населения Восточного Туркестана и Юго-Восточного Казахстана была вытеснена с занимаемых территорий. Наличие же в степях Центрального Казахстана мощного объединения номадов, находящегося на стадии расцвета, обусловило два основных направления движения этого населения на запад. Одна часть кочевников, двигаясь вдоль предгорий Алтая, достигает Верхнего Приобья, где и закрепляется на территориях, ранее занимаемых племенами болынереченской культуры. Вторая часть номадов Восточного Туркестана и крайнего юго-востока Казахстана двинулась на запад - через Семиречье, Среднюю и Нижнюю Сырдарью на Южный Урал. Это движение, скорее всего, имело характер постепенного расселения. Результатом чего стало освоение Семиречья, вхождение отдельных групп мигрантов в состав кочевых и полукочевых объединений Юго-Восточного Приаралья, Южного Зауралья и Приуралья.

Приток нового населения в степи Южного Зауралья в конце VI - начале V в. до н. э. привел, очевидно, к ожесточенной борьбе за передел не только пастбищных угодий, но и существующих маршрутов кочевания. В ходе этих столкновений отдельные группы аборигенного бобровско-тасмолинского населения были вытеснены из степных равнинных территорий в восточные предгорья Южного Урала. Изменив формы ведения кочевого хозяйства (с кочевого на полукочевое - ?), они вплоть до IV в. до н. э. сохраняли свои традиции погребальной обрядности. Часть же прежних хозяев южнозауральских степей была вынуждена уйти в зауральскую лесостепь в среду местных племен, оставивших памятники воробьевского типа. Здесь на основе смешения воробьевских, бобровско-тасмолинских, а также пришедших сюда же кочевых групп из Юго-Восточного Приаралья, начинается процесс формирования гороховской культуры.

Уход части среднеазиатских кочевников с прежних мест обитания на Южный Урал не повлек за собой разрыва их традиционных экономических и культурных связей с земледельческими областями, особенно с Хорезмом. Различная же направленность этнокультурных связей приуральских и зауральских номадов, фиксируемая археологическими материалами, была обусловлена пастбищно-кочевой системой. Для кочевников Южного Приуралья основные векторы этих связей были направлены на юг и на запад - в сторону Хорезма и восточноевропейской степи и лесостепи. Ранние кочевники Южного Зауралья поддерживали связи, прежде всего, с кочевым и оседлым населением Юго-Восточного Приаралья и племенами зауральской лесостепи, носителями иткульской и гороховской культур. В конце VI-V вв. до н. э. южнозауральские номады по-прежнему поддерживают этнокультурные связи с «тасмолинцами» Северного и Центрального Казахстана, а через них и с более восточными регионами Евразии. Однако, значение восточного вектора связей кочевников Южного Зауралья постоянно уменьшается.

Появление в конце VI - начале V в. до н. э. на территории Южного Урала нового быстро крепнущего этнопотестарного объединения кардинальным образом изменило расстановку сил в Урало-Казахстанских степях. Ведущую роль в этом регионе постепенно начинают играть кочевники Южного Урала.

Одним из факторов, обусловившим усиление роли южноуральских номадов в Урало-Казахстанских степях было то, что население Южного Урала, в особенности племена степной зоны Южного Зауралья, становятся независимыми от кочевников Центрального Казахстана в получении цветного металла. Потребности в нем удовлетворялись теперь за счет иткульских племен лесостепного Зауралья. Военная активность номадов Зауралья на южных границах ареала иткульской культуры привела к тому, что уже в конце VI в. до н. э. иткульское население попадает в зависимость, скорее

всего данническую, от своих степных соседей. Увеличение внутренних потребностей в цветном металле, а также интересы «внешней торговли» у южнозауральских номадов, очевидно, стимулировали и рост его производства на зауральских городищах, расцвет иткульского очага металлургии и металлообработки. В V-IV вв. до н. э. «иткульцы» становятся основными поставщиками металла кочевникам Южного Урала.

Контакты номадов Урало-Казахстанских степей с племенами лесостепи Зауралья и Западной Сибири, прослеживаемые еще с VII-VI вв. до н. э., достигли своего расцвета в V-IV вв. до н. э. В это время население лесостепи подверглось интенсивному иранскому воздействию, что нашло отражение, кроме всего прочего, как в угорских языках, так и в системе угорского мировоззрения. Усиление контактов с ираноязычными кочевниками степей в конце VI - первой половине V в. до н. э. сопровождалось, вероятно, проникновением отдельных их групп в зауральско-западносибирскую лесостепь. Эти пришлые группы сыграли решающую роль в ускорении социально-экономического развития лесостепного населения, приняли участие в формировании саргатской, на востоке, и гороховской, на западе, культур. Иранский суперстрат явился культурообразующим фактором и стабилизатором этнополитической структуры лесостепного населения, занимая господствующее положение в среде «саргатцев» и «гороховцев». К концу V в. до н. э. в Южном Зауралье оформляются две основные модели взаимодействия населения степи и лесостепи - «иткупская» и «гороховская».

В VI - начале V в. до н. э. в степи и лесостепи Обь-Иртышья и Верхнем Приобье отчетливо фиксируется приток кочевого населения из Северного и Центрального Казахстана, принявшего участие в сложении ряда культур этого региона. Миграция «тасмолинцев» и «улубаевцев» на север и северо-восток - в западносибирскую лесостепь, Обь-Иртышское степное и лесостепное междуречье и в Верхнее Приобье обуславливалась взаимодействием трех основных факторов. Во-первых, экологической обстановкой в степи в VI в. до н. э., особенно во второй его половине, во-вторых, историческими событиями конца VI - начала V в. до н. э. в Средней Азии, в частности в Приаралье, и, в-третьих, изменениям в это же время этнополитической ситуации в Урало-Казахстанских степях. Кочевники тасмолинской общности, пришедшие в Ишимскую и Барабинскую лесостепь приняли участие в сложении саргатской культуры, ушедшие же в Обь-Иртышское междуречье и в Верхнее Приобье приняли участие или оказали определенное воздействие на сложение каменской, староалейской и быстрианской культур.

Результатом борьбы номадов Южного Зауралья и кочевников Северного и Центрального Казахстана за наиболее ценимые кочевниками зимние пастбища, примыкавшие к Средней и Нижней Сырдарье, стало вытеснение «тасмолинцев» и «улубаевцев» в низовья Сарысу и пески Мойынкум. Тем самым кочевники Южного Зауралья не только значительно сократили пло-

щади зимних пастбищ «тасмолинцев», но и лишили племена Центрального и Северного Казахстана возможности непосредственных контактов с кочевыми и полукочевыми племенами Средней Азии, а также с присырдарьинскими ремесленно-земледельческими центрами.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Этнокультурные процессы в Урало-Казахстанских степях во второй половине VI-V вв. до н. э.»), проект № 08-01-85109а/У.